

МЕЛОДИ
Ленн

ОН НАЗЫВАЛ ЕЕ
ЛИСИЧКОЙ,
НЕ ПОДОЗРЕВАЯ,
НАСКОЛЬКО ХИТРОЙ
ОНА МОЖЕТ БЫТЬ

ЛИСИЧКА

Ледяного

Мелоди Лейн
Лисичка Ледяного

«Автор»

2026

Лейн М.

Лисичка Ледяного / М. Лейн — «Автор», 2026

Альберт Гранитский - властелин криминального мира, человек, чье имя произносят шепотом. Он привык получать все, что пожелает, щелчком пальцев. Его мир - это мир роскоши, опасности и абсолютной власти, где нет места слабости и сантиментам. Дарина Истомина - юная, невинная студентка художественного училища, чья жизнь была похожа на чистый холст. Одна роковая ошибка ее отца, и этот холст попадает в руки самого дьявола. Она становится разменной монетой, живым долгом, запертым в золотой клетке шикарного пентхауса Гранитского. Он видит в ней лишь красивую игрушку, трофей, призванный скрасить его холодные вечера. Она видит в нем монстра, чудовище, разрушившее ее жизнь. Но за ледяной броней властного бандита скрывается истерзанная душа, а в испуганных глазах невинной пленницы разгорается пламя непокорности. Сможет ли хрупкая девушка растопить гранитное сердце хищника, или его мир поглотит ее без остатка?

© Лейн М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пойманная лисичка. Альберт	5
Глава 2. Комната с видом на безысходность. Дарина	9
Глава 3. Когда плачет лисичка. Альберт	12
Глава 4. Завтрак для монстра. Дарина	14
Глава 5. Непокорная лисичка. Альберт	17
Глава 6. Цвета его ненависти. Дарина	20
Глава 7. Семь минут до победы. Альберт	23
Глава 8. Искусство выживания. Дарина	26
Глава 9. Тест на прочность. Альберт	29
Глава 10. Опасный танец. Дарина	32
Глава 11. Игра на другом уровне. Альберт	34
Глава 12. Запретное любопытство. Дарина	36
Глава 13. Маршрут до морга. Альберт	39
Глава 14. Последнее предательство. Дарина	42
Глава 15. Победа с горьким привкусом. Альберт	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Мелоди Лейн

Лисичка Ледяного

Глава 1. Пойманная лисичка. Альберт

Запах пороха и дорогого парфюма смешался с озоновой свежестью послегрозового воздуха. Я стоял у панорамного окна своего пентхауса, глядя на ночной город, расчерченный неоновыми венами. Огни внизу казались россыпью бриллиантов на черном бархате - бездушные, холодные, но завораживающие. Как и весь мой мир.

Рука машинально потянулась к воротнику синей рубашки, расстегивая верхнюю пуговицу. Костюм от Zilli, сшитый на заказ, сидел идеально, но после сегодняшней "встречи" в промзоне он казался удавкой. Пара капель чужой крови на манжете уже высохла, превратившись в едва заметное бурое пятно. Мелочь, которую уберет химчистка. Гораздо сложнее было избавиться от ощущения липкого презрения к людям, которые считают, что могут играть со мной.

Сегодняшний игрок проиграл. Как и все до него.

Пальцы сомкнулись на граненом стакане с виски. Лед тихонько звякнул, ударившись о стенку. Я сделал глоток, ощущая, как терпкое тепло разливается по венам, смывая остатки адреналина после короткой, но эффективной перестрелки. Мои парни сработали чисто. Конкуренты убраны. Территория зачищена. Все, как всегда. Скучно.

Мой мир - это шахматная доска, где я - король. Каждая фигура движется по моей воле. Каждая пешка знает свое место. И горе той, что возомнит себя ферзем.

Вибрация смартфона на мраморной столешнице вырвала меня из раздумий. На экране высветилось имя: "Игорь". Моя правая рука, мой цербер. Я нехотя провел пальцем по экрану, нажимая на зеленую кнопку ответа.

- Слушаю.

- Босс, все чисто. Груз на месте, наши без потерь, - голос Игоря в трубке был ровным и деловым, как всегда. - С Истоминым вопрос решен.

Я хмыкнул, глядя на свое отражение в темном стекле. Высокий, черноволосый, с хищной улыбкой, которая редко сулила что-то хорошее. Татуировки, змеями обвивающие шею, скрылись под воротником, но я чувствовал их фантомный узор на коже.

- Он понял свою ошибку? - спросил я, делая еще один глоток.

- Более чем. Он готов отдать все, что у него есть. Умоляет о пощаде.

Презрение скривило губы. Умоляет. Слабак. Он залез в мой бизнес, попытался урвать кусок, на который у него не хватило ни зубов, ни смелости. Он поставил на кон все и проиграл.

Деньги меня не интересовали. Его жалкий бизнес - тем более. Мне нужна была сатисфакция. Наказание, которое запомнится.

- Его "все" мне не нужно, - отрезал я. - Мне нужен его долг. Он знает, о чем я.

В трубке повисла короткая пауза. Игорь прекрасно знал условия, которые я озвучил Истомину неделю назад. Условия, от которых тот в ужасе отказался. До сегодняшнего дня.

- Он согласен, - наконец произнес Игорь. - Дочь у него. Привезти?

Я посмотрел на огромную, пустую гостиную. Дизайнерская мебель в стиле лофт, холодный блеск металла и стекла, приглушенный свет. Идеальный порядок, идеальная чистота, идеальная безжизненность. Эта квартира была моей крепостью, моим логовом. И сейчас в этом логове появится новая... игрушка.

- Да. Привези. И проследи, чтобы была целой и без глупостей.

- Будет сделано, босс.

Я завершил вызов и бросил телефон на стол. Дочь. Дарина. Я видел ее фотографию, которую мне прислали парни. Юная, с огромными темно-кариими глазами, в которых плескался еще не тронутый этим миром свет. Длинные каштановые волосы, стройная фигурка. Чистый холст. Идеальная заготовка, на которой можно нарисовать все, что угодно.

Ее отец, Альберт Истомин, мелкий предприниматель с большими амбициями, решил, что может кинуть меня. Он украл у меня партию товара, надеясь быстро продать ее и скрыться. Глупец. В этом городе нельзя было даже дышать без моего ведома, не то что проворачивать такие дела. Когда его поймали, он плакал и клялся вернуть все вдвойне. Но я не банкир, чтобы принимать проценты. Я коллекционер. Я забираю самое ценное.

И самой ценной для него была его единственная дочь. Девятнадцатилетняя студентка художественного училища. Девственница, как доложила моя разведка. Забавно. В двадцать первом веке это такая редкость, почти антиквариат. Тем ценнее трофей.

Я прошел к бару и плеснул себе еще виски. Мысли текли лениво, обволакивая предстоящее событие холодным предвкушением. Она станет расплатой. Живым напоминанием всем остальным, что долги Гранитскому возвращаются всегда. Она будет жить здесь, в моей золотой клетке, пока мне не надоест. Будет скрашивать мои вечера, ублажать меня, принадлежать мне целиком и полностью.

Я не испытывал ни жалости, ни раскаяния. Это бизнес. Это мой мир, мои правила. Эмоции - это слабость, непозволительная роскошь. А я давно отучил себя от всего, что может сделать меня уязвимым.

Прошло около часа. Я успел сходить в душ, смыть с себя этот день, и переодеться в домашнее - черные шелковые брюки и свободную футболку. Татуировки на руках и торсе теперь были на виду, сплетаясь в сложный темный узор. Я как раз проверял почту на ноутбуке, когда в прихожей раздался тихий звук открывающегося замка.

Я не обернулся. Я знал, что это Игорь. Он никогда не звонил в дверь.

- Босс, мы на месте, - его голос был тихим, но отчетливо слышался в идеальной акустике квартиры.

Я медленно закрыл крышку ноутбука и поднялся, направляясь в прихожую. Мои шаги были бесшумны на полированном паркете.

В просторном холле стояли двое моих парней. Между ними, съежившись, замерла девушка. Дарина. Она была еще меньше и хрупче, чем на фото. Короткое шоколадное платье едва прикрывало колени, открывая вид на стройные ноги. Длинные волосы спутались и падали на лицо, но даже сквозь них я видел широко распахнутые, полные ужаса глаза. Она дрожала, как пойманная птица.

- Оставьте нас, - приказал я, не сводя с нее взгляда.

Парни молча кивнули и, выйдя, тихо прикрыли за собой массивную дверь. Щелчок замка прозвучал в наступившей тишине оглушительно громко. Окончательно.

Мы остались вдвоем. Она и я. Хищник и его добыча.

Она подняла на меня взгляд, и я впервые увидел ее глаза вживую. Темно-карие, почти черные, как горький шоколад. В их глубине плескался первобытный страх, но где-то на самом дне я заметил искорку. Огонек ненависти и непокорности. Интересно.

- Здравствуй, Дарина, - мой голос прозвучал спокойно, даже бархатно. Я сделал шаг к ней. Она инстинктивно отшатнулась, упираясь спиной в дверь. - Не бойся. Пока ты будешь хорошей девочкой, тебя никто не тронет.

- Что вам нужно? Где мой отец? - ее голос дрогнул, но не сорвался. В нем слышалась сталь.

Я усмехнулся, подходя почти вплотную. От нее пахло ванилью и страхом. Сладкий, пьянящий коктейль.

- Твой отец расплатился по счетам. А ты - его платеж, - я протянул руку и убрал прядь волос с ее лица. Она вздрогнула от моего прикосновения, но не отстранилась. Кожа была нежной, как лепесток. - Теперь ты живешь здесь. Со мной. Ты принадлежишь мне, Дари.

Она резко вскинула голову, и в ее глазах полыхнуло презрение.

- Я не вещь! Я вам не принадлежу!

- Ошибаешься, - прошептал я, наклоняясь к самому ее уху. Я чувствовал, как бешено колотится ее сердце. - Ты именно вещь. Красивая, дорогая вещь, которую я получил за долги. И отныне твоя единственная задача - радовать своего хозяина. Привыкай к этой мысли.

Я отстранился, давая ей возможность дышать. Она смотрела на меня с такой лютой ненавистью, что если бы взглядом можно было убивать, я бы уже лежал на этом безупречном полу.

- Добро пожаловать домой, лисичка, - бросил я через плечо, направляясь обратно в гостиную.

Я оставил ее одну в прихожей - растерянную, напуганную, но не сломленную. Этот огонек в ее глазах обещал, что скучно не будет. Что ж, тем интереснее будет его потушить. Или раздуть в настоящее пламя.

Игра началась. И правила в ней устанавливаю только я.

Глава 2. Комната с видом на безысходность. Дарина

Щелчок замка прозвучал как выстрел. Как точка, поставленная в конце моей прежней жизни. Я стояла, вжавшись спиной в холодную, гладкую поверхность входной двери, и не могла пошевелиться. Воздух в легких застыл ледяным комком. Он ушел, оставив меня одну в этом огромном, бездушном пространстве, и его присутствие ощущалось в каждой тени, в каждом отблеске света на полированном полу.

Монстр. Чудовище. Гранитский.

Я медленно сползла по двери на пол, обхватив колени руками. Платье задралось, но мне было все равно. Дрожь колотила все тело, стуча зубами. Что с папой? Что он имел в виду, говоря, что отец «расплатился»? Боже, только бы он был жив. Эта мысль была единственным спасательным кругом в океане ужаса, захлестнувшего меня.

Нужно взять себя в руки. Паника - это то, чего он ждет. Он хочет видеть меня сломленной, раздавленной. Я подняла голову и заставила себя осмотреться. Прихожая была размером с нашу гостиную. Стены из темного камня, зеркальный шкаф во всю стену, в котором отражалась моя жалкая, испуганная фигурка. Я - чужеродный элемент в этом царстве стерильной роскоши.

Я встала. Ноги были ватными, но они держали. Шаг, еще один. Я вышла из прихожей в огромное помещение, которое, видимо, было гостиной, совмещенной с кухней и столовой. Панорамные окна от пола до потолка открывали вид на ночной город, который жил своей жизнью, не подозревая о моей трагедии. Миллионы огней, и ни один из них не был для меня светом надежды.

Он сидел в кресле спиной ко мне, глядя на город. В руке - стакан с янтарной жидкостью. Его силуэт был напряженным, как у хищника перед прыжком. Черная футболка обтягивала широкие плечи и мощные руки, покрытые витиеватыми узорами татуировок. Я видела, как ходят мускулы на его спине, и невольно сжалась. Этот человек был воплощением физической угрозы.

- Нравится вид? - его голос, ровный и глубокий, разрезал тишину, не заставив его даже обернуться. Он знал, что я здесь. Он чувствовал меня. - Весь город как на ладони. Моей ладони.

Я молчала, не зная, что ответить. Любое слово казалось неуместным и глупым.

Он медленно повернулся вместе с креслом. Его черные глаза впились в меня, изучая, оценивая. В них не было ничего, кроме холода и власти.

- Ты голодна?

Вопрос был таким обыденным, таким неуместным в этой ситуации, что я на мгновение растерялась.

- Я... я хочу знать, что с моим отцом, - выдавила я, и голос предательски дрогнул.

- С твоим отцом все будет в порядке. Пока ты будешь вести себя хорошо, - он отпил из своего стакана. - А теперь отвечай на вопрос. Ты голодна?

Я отрицательно качнула головой. Кусок бы в горло не полез.

- Зря. Тебе понадобятся силы, - он поднялся. Он был огромным. Высокий, широкоплечий, он двигался с ленивой грацией пантеры. - Пойдем. Я покажу тебе твою комнату.

Он пошел вглубь квартиры, не оглядываясь, уверенный, что я последую за ним. И я пошла. А что мне оставалось? Бежать было некуда. Дверь заперта, а эти окна... какой это этаж? Сороковой? Пятидесятый?

Он остановился у одной из дверей в длинном коридоре и открыл ее. - Это твоя комната. Здесь все, что нужно. Ванная - смежная. Моя спальня - напротив. Не советую бродить по ночам. Я чутко сплю.

Я заглянула внутрь. Комната была прекрасна. Огромная кровать с белоснежным бельем, светлая мебель, большое окно с таким же захватывающим видом на город. На туалетном столике стояли какие-то флаконы. В углу - мольберт и ящик с красками.

Мольберт.

Эта деталь выбила меня из колеи сильнее, чем все остальное. Он знал. Он знал, что я учусь на художника. Эта продуманность, эта дьявольская предусмотрительность пугала до чертиков. Он не просто запер меня здесь, он подготовил для меня клетку, обставив ее знакомыми вещами, чтобы сделать плен еще более изоциренным.

- Ты будешь рисовать для меня, Дари, - сказал он, стоя за моей спиной так близко, что я почувствовала тепло его тела. - Будешь рисовать, готовить мне ужин и скрашивать мои вечера. Вот твоя новая жизнь.

Я резко обернулась, едва не врезавшись в его мощную грудь. Ненависть вскипела, мгновенно вытесняя страх.

- Я не буду вашей игрушкой! Вы не можете так поступать с людьми!

На его губах появилась тень улыбки. Хищной, жестокой.

- Могу. И буду. А ты... ты еще не поняла, лисичка. У тебя нет выбора. Твой отец сделал его за тебя, - он шагнул в комнату и провел пальцем по чистому холсту на мольберте. - А теперь отдыхай. Завтра будет длинный день. Утром я хочу видеть на завтрак сырники и кофе.

Он вышел, и дверь за ним бесшумно закрылась. Я подбежала и дернула ручку. Заперто. Конечно, заперто.

Я осталась одна. В своей роскошной тюрьме. Слезы хлынули из глаз. Горькие, злые, беспомощные. Я упала на кровать, уткнувшись лицом в подушку, которая пахла чем-то незнакомым - лавандой и дорогим парфюмом. Его запахом.

Я плакала, пока не кончились силы. Плакала о папе, о своей разрушенной жизни, о потерянной свободе. Но сквозь рыдания, в глубине души, разгоралось иное чувство. Не страх. Ярость.

Он думает, что сломал меня. Думает, что я буду покорно сидеть в клетке и рисовать ему красивые картинки. Он ошибается. Я - Дарина Истомина. И я найду способ выбраться отсюда. Я не его вещь. Я не его лисичка. И этот чистый холст... когда-нибудь я нарисую на нем его падение.

Я лежала без сна, глядя в окно на далекие огни. Мой страх никуда не делся, он сжимал сердце ледяными тисками. Но теперь рядом с ним жила ненависть. И она давала мне силы.

Глава 3. Когда плачет лисичка. Альберт

Я закрыл за ней дверь, услышав, как она тут же дергает ручку с той стороны. Бесплезно. Этот замок не открыть без моего отпечатка пальца. Умный дом - удобная штука. Особенно когда нужно контролировать каждый сантиметр своей территории.

Я вернулся в гостиную и снова опустился в кресло. Внутри было странное чувство. Удовлетворение от того, что все идет по плану, смешивалось с чем-то еще. С предвкушением. Девочка оказалась не такой уж и сломленной. В ее глазах, помимо животного ужаса, полыхала настоящая, чистая ненависть. Она смотрела на меня так, будто хотела испепелить. Это заводило. Покорные и безвольные куклы надоедают за один вечер. А эта... эта лисичка еще покажет свои зубки. Тем слаще будет ее приручить.

Мой телефон на столешнице коротко завибрировал. Сообщение в Telegram от Игоря. Я открыл защищенный чат.

"Босс, "Стервятники" опять головы поднимают. Замечены на нашей точке у порта. Что делать?"

Пальцы быстро забегали по экрану.

"Напугать. Жестко. Одного самого говорливого упаковать и привезти ко мне на склад. Остальным передать, что в следующий раз я приеду лично".

"Понял. Будет сделано".

Я отложил телефон. Рутинa. Вечная борьба за территорию, за власть. Одни гиены смеяют других, но лев в этих джунглях только один. И это я. Истомин был одной из таких гиен. Глупой и самонадеянной. Он думал, что сможет откусить мой кусок и остаться безнаказанным. Теперь его дочь - наглядное пособие для всех остальных, кто решит испытать мое терпение.

Я услышал из-за ее двери тихие, сдавленные рыдания. Уголок губ дрогнул в усмешке. Плачет. Хорошо. Пусть выплачет свой страх. Пусть поймет, что ее прежний мир остался за этой дверью, и теперь есть только мой.

Достав из кармана брюк второй смартфон - чистый, абсолютно новый, - я активировал его. Вбил в контакты свой номер под именем "Хозяин" и заблокировал возможность добавлять другие. Никаких звонков, кроме как мне. Никакого интернета. Только моя цифровая цепь.

Затем я прошел в гардеробную. Это была целая комната, заставленная стеллажами с одеждой, обувью и аксессуарами. Я небрежно сдвинул в сторону несколько своих костюмов и достал коробки, которые привезли вчера по моему заказу. Одежда для нее. Джинсы, кашемировые свитера, шелковые пижамы, несколько простых платьев. Все самое лучшее, самое дорогое. Все безликое, без ее собственного стиля. Я сам создам ей новый стиль. Тот, который будет нравиться мне.

Взяв телефон, пакеты с одеждой и набор профессиональных красок и холстов, которые я тоже купил заранее, я подошел к ее двери и, приложив палец к сканеру, бесшумно открыл ее.

Дарина лежала на кровати, свернувшись калачиком, и ее плечи мелко вздрагивали. Она не слышала, как я вошел. Я молча постоял на пороге, наблюдая. Хрупкая, беззащитная. В этом шоколадном платье она выглядела как подросток. Но я знал, что под этой невинной внешностью скрывается стальной стержень. Я это почувствовал.

Я прошел в комнату и положил пакеты и телефон на кресло. Она вздрогнула от звука и резко села на кровати, испуганно глядя на меня. Глаза заплаканные, красные, но взгляд все такой же колючий.

- Я принес тебе кое-что, - спокойно сказал я, кивнув на кресло. - Это твоя новая одежда. Старую выброси. Это телефон. Там только мой номер. Если что-то понадобится - звони.

Она смотрела на вещи, потом перевела взгляд на меня.

- Мне ничего от вас не нужно, - прошипела она. - Мне нужна только свобода.

- Свобода - это иллюзия, Дари, - я подошел к кровати и сел на ее край. Она тут же отползла к самой спинке, как дикий зверек. - Даже я не свободен. Но у меня есть власть. А у тебя нет ничего. Так что прими правила игры. Это в твоих же интересах. И в интересах твоего отца.

Упоминание отца снова сработало. Она сжалась, а в глазах блеснула боль. Мой главный рычаг давления.

- И еще, - я указал на мольберт, рядом с которым поставил ящик с красками. - Я хочу, чтобы ты рисовала. Я хочу видеть этот город. Твоими глазами.

- Я не буду, - упрямо мотнула она головой.

- Будешь, - мой голос стал жестче, в нем зазвенел металл. - Ты будешь делать все, что я скажу. Ты будешь вставать, когда я скажу. Есть то, что я прикажу. Носить то, что я выберу. И рисовать то, что я захочу. Это понятно?

Она молчала, лишь тяжело дышала, а ее маленькие кулачки сжались так, что побелели костяшки.

Я поднялся. Играть в плохого полицейского всю ночь не входило в мои планы.

- Завтрак в восемь. Не опаздывай, - бросил я уже от двери.

Закрыв ее, я вернулся в гостиную и налил себе еще виски. Я установил правила. Запустил механизм. Теперь нужно лишь время и давление в нужных точках, чтобы сломать ее волю и подчинить. Сделать ее своей. Не просто телом, но и душой.

Я посмотрел на ее закрытую дверь. За ней была моя самая красивая, самая дерзкая и самая ценная вещь. Моя личная лисичка. И охота на нее только началась. Я допил виски одним глотком, ощущая, как по телу разливается знакомое чувство абсолютного контроля. Чувство, без которого я уже не мог жить.

Глава 4. Завтрак для монстра. Дарина

Я не спала. Всю ночь я пролежала, глядя в огромное окно на россыпь городских огней, которые постепенно гасли, уступая место блеклой серой полосе рассвета. Сон не шел. Каждый раз, когда я закрывала глаза, я видела его - Альберта Гранитского. Его черные, как бездна, глаза, хищную улыбку и татуировки, змеями ползущие по коже. Я чувствовала его запах на подушке, слышала эхо его голоса в своей голове: "Ты принадлежишь мне, Дарина".

Эта тишина давила. Она не была успокаивающей, как дома. Здесь тишина была оглушающей, наполненной его невидимым присутствием, его тотальным контролем. Я была мышью в лабиринте, а он наблюдал за мной свысока, зная каждый мой возможный шаг.

Когда первые лучи солнца коснулись спицей небоскребов, я заставила себя встать. Тело ломило от напряжения. Я подошла к окну. Мир просыпался. Крошечные машинки сновали по улицам, люди спешили по своим делам, жили своей обычной жизнью. А моя жизнь остановилась здесь, на сорок седьмом этаже, в золотой клетке.

Я зашла в ванную комнату, смежную с моей спальней. Мрамор, стекло, хромированный металл. Все сияло чистотой. На полочке в идеальном порядке стояли дорогие уходовые средства, которых я никогда в жизни не видела. Новые зубная щетка, паста, расческа. Все для меня. Все продумано. От этой заботы становилось еще страшнее. Это была не забота, а инвентаризация имущества.

Вернувшись в комнату, я посмотрела на кресло, где он оставил пакеты с одеждой и телефон. Я не хотела к этому прикасаться. Это были его вещи, его подачки. Но мое шоколадное платье было единственной одеждой, что у меня была, и спать в нем было невыносимо. С отворачиванием я вытащила из пакета шелковую пижаму кремового цвета. Ткань была невероятно нежной и струилась в руках. Я быстро переоделась, бросив свое платье на пол, как грязную тряпку, как напоминание о прошлой жизни.

Телефон. Я взяла его в руки. Гладкий, холодный. Нажала на кнопку включения. На экране загорелась заставка с каким-то абстрактным узором. Я открыла контакты. Там была всего одна запись: "Хозяин".

Хозяин.

Меня затопило такой волной ярости, что я едва не швырнула этот телефон в стену. Но я сдержалась. Этого он и ждет. Эмоций, истерики, подчинения через страх. Нет. Я не доставлю ему такого удовольствия. Я буду молчать. Мое молчание станет моим оружием.

Часы на стене показывали половину восьмого. "Завтрак в восемь. Не опаздывай". Его приказ стучал в висках. Что будет, если я не выйду? Если я просто останусь здесь, в этой комнате? Мысль об отце ледяным уколом пронзила сердце. "С твоим отцом все будет в порядке. Пока ты будешь вести себя хорошо". Он держит меня на самом коротком поводке из всех возможных - на страхе за жизнь близкого человека.

Сцепив зубы, я вышла из комнаты. Дверь была не заперта. Еще один элемент его игры. Он дает мне иллюзию свободы в пределах квартиры, зная, что я никуда не денусь.

Я пошла на запах кофе. Кухня была огромной, ультрасовременной, похожей на камбуз космического корабля. Вся техника встроенная, фасады глянцевые, без ручек. На острове из черного гранита стояла кофемашина, которая, видимо, работала по таймеру - рядом с ней уже дымилась чашка свежесваренного капучино. Для него.

Я открыла холодильник. Он был забит продуктами. Свежие овощи, фермерские сыры, экзотические фрукты. Я нашла творог, яйца, муку. Сырники. Он заказал сырники. Руки мелко дрожали, но я заставила их работать. Я месила тесто, лепила аккуратные кругляши, обваливала их в муке. Это было так сюрреалистично. Я, Дарина Истомина, студентка-художница, стою на кухне у главного бандита города и готовлю ему завтрак, чтобы спасти своего отца.

Ровно в восемь он появился на кухне. Босиком, в черных спортивных брюках и обтягивающей серой футболке. Без пиджака он выглядел еще более опасным. Рельефные мышцы перекачивались под тканью, а татуировки на руках и шее казались живыми в утреннем свете. Он молча сел за стол, взял свою чашку кофе и сделал глоток, не сводя с меня своих темных, изучающих глаз.

Я молча поставила перед ним тарелку с сырниками, политыми кленовым сиропом, и вазочку со свежими ягодами. Поставила приборы. И развернулась, чтобы уйти.

- А ты? - его голос остановил меня у самого выхода.

Я обернулась.

- Я не голодна.

- Я не спрашивал, голодна ли ты, - он указал подбородком на стул напротив. - Сядь и ешь. Со мной.

Это был приказ. Я замерла, борясь с желанием крикнуть ему в лицо все, что я о нем думаю. Но я вспомнила отца. Медленно, как марионетка, я подошла к столу, взяла чистую тарелку и положила себе один сырник. Села на самый краешек стула, как можно дальше от него.

Мы ели в полной тишине. Я слышала только стук приборов о тарелки и бешеное биение собственного сердца. Я не поднимала глаз, но чувствовала его взгляд на себе. Он сверлил меня, раздвигал, проникал под кожу. Я ковыряла вилкой несчастный сырник, так и не откусив ни кусочка.

- Хорошо готовишь, - сказал он, закончив есть и отодвинув тарелку. - Сегодня никуда не выходишь. Изучи квартиру. Привыкай. Можешь рисовать. Вечером я приеду, и мы поужинаем.

Он поднялся и ушел, оставив меня одну за столом. Я сидела еще минут десять, не шевелясь. Потом подняла голову и посмотрела на его пустую тарелку. Он все съел.

Я встала, убрала посуду в посудомоечную машину, которую нашла методом тыка. А потом вернулась в свою комнату. В свою клетку. Подошла к мольберту и коснулась пальцами гладкой поверхности чистого холста.

"Я хочу видеть этот город. Твоими глазами".

Хорошо. Он увидит. Он увидит город таким, каким вижу его я из окна своей тюрьмы. Холодным, чужим, полным одиночества и страха. Я нарисую ему его же мир. И он ему не понравится.

Глава 5. Непокорная лисичка. Альберт

Я закрыл за собой дверь пентхауса и вызвал лифт. Внутри осталась тишина и она. Моя непокорная лисичка. Я доел завтрак до последней крошки не потому, что был голоден. А потому, что это был мой ответ на ее молчаливый бунт. Она выполнила приказ, но всем своим видом показывала презрение и ненависть. Она сидела на краешке стула, готовая в любой момент сорваться с места, не съела ни кусочка, не проронила ни слова. Она бросила мне вызов. И я его принял. Это будет куда интереснее, чем я думал.

В подземном паркинге меня уже ждал Игорь за рулем бронированного "Майбаха". Я сел на заднее сиденье, салон окутал меня запахом дорогой кожи и абсолютной тишиной.

- Как она? - спросил Игорь, глядя в зеркало заднего вида.

- Держится, - коротко ответил я, доставая рабочий телефон. - Подключись к камерам в квартире. Не спускать с нее глаз. Никаких глупостей вроде попыток разбить окно или вскрыть вены. Если заметишь что-то странное - докладывай немедленно.

- Понял, босс.

- Что по "Стервятнику"?

- Готов к разговору. Ждет вас на складе в промзоне. Немного помятый, но говорить сможет.

- Отлично. Едем.

Машина плавно тронулась с места. Я открыл Telegram и пробежался по отчетам из защищенных чатов. Поставки, финансы, конкуренты. Обычная рутина, паутина, которую я сплел и в центре которой сидел. Сегодняшний "Стервятник" - мелкая сошка, решившая, что может торговать наркотиками на моей территории без моего разрешения. Его нужно было сделать примером. Громким и поучительным.

Через полчаса мы въехали на территорию заброшенного завода. Несколько моих ребят в черном стояли на периметре. Игорь остался в машине, я вышел один. Сырой, холодный воздух пах соляжкой и ржавчиной. Внутри огромного ангара, под одинокой лампой, к стулу был привязан тот самый парень. Лицо - сплошной синяк, губа разбита.

Я неторопливо подошел, доставая из кармана пиджака пачку сигарет и зажигалку. Щелчок, огонек, первая затяжка.

- Кто твой босс? - спросил я, выпуская дым ему в лицо.

Он молчал, лишь злобно зыркнул на меня из-под опухших век.

Я вздохнул и, сделав еще одну затяжку, притушил сигарету о его щеку. Он зашипел от боли, дернувшись всем телом.

- Я не люблю повторять вопросы. Кто твой босс? Имя.

- Пошел ты... - прохрипел он.

Я кивнул одному из своих парней. Тот подошел и без замаха ударил пленника в живот. Парень согнулся, закашлялся.

- У вас есть два пути, - спокойно продолжил я, закуривая новую сигарету. - Первый: вы называете мне имя, и я отпускаю вас из города. Живым, но бедным. Второй: вы продолжаете молчать, и мои ребята будут отрезать от вас по кусочку, пока вы не начнете умолять о смерти. Выбор за вами.

Я смотрел в его глаза и видел, как ломается его воля. Страх смерти всегда сильнее любой показной верности.

- Воронов..., - выдавил он. - Мой босс - Воронов.

Воронов. Старый конкурент, которого я считал давно списанным со счетов. Значит, решил вернуться в большую игру. Интересно.

- Спасибо за информацию, - я кивнул. - Вы сделали правильный выбор.

Я повернулся и пошел к выходу.

- Эй! Ты же обещал отпустить! - крикнул он мне в спину.

Я остановился, не оборачиваясь.

- Я обещал, что я тебя отпущу. А я свое слово держу, - я бросил через плечо своим парням. - Уберите мусор.

Их понимающие взгляды и тихий щелчок затвора были мне ответом.

Обратно я ехал в тишине. Жестокость была необходимой частью моей работы. Инструментом. Она не вызывала у меня ни удовольствия, ни отвращения. Просто факт. Но сегодня, после холодного разговора на складе, мысли снова вернулись к ней. К Дарине.

Она была из другого мира. Чистого, светлого. Мира, где люди рисуют картины, а не прижигают друг друга сигаретами. И я вырвал ее оттуда, окунул в свою грязь. Зачем? Чтобы наказать ее отца? Да. Но не только. Глядя на ее непокорность, я понял, что хочу большего. Я хочу видеть, как этот свет борется с моей тьмой. Хочу сломать ее упрямство, но не погасить огонь в ее глазах.

Вместо того чтобы ехать в офис, я неожиданно для самого себя сказал Игорю:

- Заедем в художественный магазин на Лесной.

Игорь удивленно посмотрел на меня в зеркало, но промолчал.

В магазине я, к удивлению продавцов, сам выбирал лучшие масляные краски, дорогие кисти из белки и колонка, несколько холстов разного размера. Я не очень разбирался в этом, но брал все самое лучшее.

Вернувшись в пентхаус, я вошел так же тихо, как и ушел. В квартире стояла тишина. Я прошел в гостиную. Она стояла у мольберта спиной ко мне. На ней была моя пижама, которая смотрелась на ее хрупкой фигуре мешковато, но трогательно. Она была так увлечена, что не слышала меня.

Я подошел ближе и заглянул через ее плечо. На холсте проступали очертания города из окна. Но это был не тот величественный и прекрасный вид, который видел я. На ее картине город был холодным, ощетинившимся шпильями небоскребов, как прутьями клетки. Неоновые огни казались хищными глазами, а в темных провалах улиц угадывалась бездна. Она рисовала свою тюрьму. Она рисовала мой мир.

И, черт возьми, это было гениально.

Она вдруг почувствовала мое присутствие и резко обернулась. В ее глазах на мгновение мелькнул испуг, тут же сменившийся привычной ненавистью. Она сделала шаг назад, инстинктивно закрывая собой холст.

Я молча поставил пакет с красками и кистями на пол рядом с ней.

- Это тебе, - сказал я ровным голосом. - Чтобы твоя ненависть была ярче.

Я развернулся и ушел в свой кабинет, оставив ее в растерянности. Эта девочка была не просто красивым трофеем. Она была вызовом. И я был готов его принять.

Глава 6. Цвета его ненависти. Дарина

Он ушел. Я стояла посреди гостиной, оглушенная его поступком. Растерянность - вот что я чувствовала. Это было последнее, чего я ожидала. Яд, кинжал, наручники - да. Но не это. Не пакет, полный лучших художественных принадлежностей, которые я когда-либо видела.

Мои пальцы дрожали, когда я опустилась на колени и заглянула внутрь. Наборы масляных красок "Old Holland", о которых я могла только мечтать, читая о них в журналах. Кисти из натурального колонка, чья цена равнялась моей месячной стипендии. Идеально загрунтованные льняные холсты. Это была не просто покупка. Это был жест человека, который разбирался в предмете. Или, по крайней мере, приказал разобраться тому, кто в этом понимает.

"Чтобы твоя ненависть была ярче".

Его слова эхом отдавались в голове. Он издевается? Демонстрирует свою власть, показывая, что может купить даже мое вдохновение, даже мою ненависть? Я сжала кулаки. Да, скорее всего так. Он не способен на другие жесты, кроме жестов силы и обладания. Это не подарок. Это - новые, более изысканные прутья для моей клетки.

Я оттащила пакет в свою комнату и несколько часов просто сидела на полу, глядя на него. Я не притрагивалась к краскам. Я боролась с собой. Использовать их - значит принять его правила, сыграть в его игру. Не использовать - значит лишиться себя единственного способа выплеснуть все, что кипело внутри.

В итоге победила жажда художника. С яростью, граничащей с отчаянием, я распаковала краски. Выдавила на палитру ядовито-желтый, кроваво-красный, глубокий ультрамарин. Цвета были такими чистыми, такими насыщенными, что дух захватывало. И я начала работать.

Я забыла о времени, о голоде, о страхе. Был только холст, я и мой город-тюрьма. Я писала не кистью, а нервами. Каждый мазок был криком. Небоскребы на моей картине превращались в клыки, огни рекламы - в голодные глаза монстров. Я смешивала краски прямо на холсте, создавая грязные, тревожные оттенки. Я хотела, чтобы он, посмотрев на эту картину, почувствовал хотя бы сотую долю того ужаса и отвращения, которые чувствовала я.

Когда за окном стемнело, я очнулась от звона в ушах и ноющей боли в спине. Я была вся перепачкана краской, волосы слиплись, а в комнате стоял густой запах масла и растворителя. Я посмотрела на свою работу. Она была почти закончена. И она была ужасна. Прекрасна в своем уродстве.

Мысль о том, что он скоро вернется и мне нужно готовить ужин, вызвала приступ тошноты. Я заставила себя пойти в душ. Горячая вода смывала краску с кожи, но не могла смыть чувство осквернения. Я надела чистую шелковую пижаму - другую одежду он мне не оставил - и поплелась на кухню.

Я решила приготовить что-то простое. Паста с томатным соусом и базиликом. Я резала овощи, и нож в моей руке казался чужеродным предметом. Мысли путались. Кто он, этот человек? Монстр, бандит, убийца, который пытается людей на складах... и который покупает лучшие в мире краски для своей пленницы. Эти две личности никак не укладывались в моей голове.

Дверь щелкнула, когда я как раз накрывала на стол. Он вошел. Сегодня на нем был идеально сидящий темно-серый костюм и синяя рубашка. Он выглядел уставшим, и на скуле я заметила свежую царапину, которую он, видимо, не успел или не счел нужным скрыть. Он принес с собой холодный запах ночной улицы и едва уловимый металлический запах... опасности.

Он молча прошел в свою комнату, а через десять минут вернулся, переодетый в домашнее. Сел за стол.

- Приятный запах, - сказал он, глядя на тарелку с пастой.

Я села напротив, снова положив себе крошечную порцию. Молчание было густым и почти осязаемым.

- Как твоя картина? - спросил он вдруг, нарушив его.

- Вы скоро увидите, - холодно ответила я, не поднимая глаз.

- Мне не терпится, - в его голосе проскользнула усмешка. - Твой отец звонил.

Я вздрогнула и резко подняла на него глаза. Сердце пропустило удар, а потом заколотилось как сумасшедшее.

- Что? Он... с ним все в порядке? Можно мне с ним поговорить?

- С ним все прекрасно. Он в загородном пансионате. Отдыхает. И нет, поговорить нельзя, - отрезал он. - Но он просил передать, чтобы ты была умницей и слушалась меня. От этого зависит его... комфорт.

Он произнес это так спокойно, так буднично, что у меня мороз пошел по коже. Это была неприкрытая угроза. Он снова дергал за ниточки, напоминал, кто здесь кукловод.

Ненависть обожгла горло. Я вскочила из-за стола так резко, что стул с грохотом упал.

- Вы чудовище.

Он даже не вздрогнул. Лишь медленно поднял на меня свои черные глаза. В их глубине не было ничего, кроме льда.

- Я бизнесмен, Дарина. А твой отец заключил со мной сделку. Ты - ее часть. Сядь на место и доедай.

Его телефон, лежавший на столе, завибрировал. Он бросил на экран короткий взгляд, и его лицо мгновенно изменилось. Усталость исчезла, черты заострились, превращаясь в жесткую маску.

Он нажал на зеленую кнопку ответа и поднес телефон к уху.

- Да. Где? Сколько их? Понял. Буду через пятнадцать минут. Ждите.

Он сбросил вызов и поднялся. Двигался он теперь совсем по-другому - быстро, собранно, как хищник, почуявший кровь.

- Ужин окончен, - бросил он мне. - Сиди в своей комнате и не высывайся. Чтобы я тебя не видел и не слышал.

Он скрылся в своем кабинете и через минуту вышел, уже накидывая на плечи кожаную куртку. Я заметила, как под курткой на поясе у него оттопыривается что-то тяжелое и темное. Пистолет.

Хлопнула входная дверь.

Я осталась одна в оглушительной тишине. Я смотрела на недоеденный ужин, на опрокинутый стул, на то место, где он только что сидел. Он уехал. Уехал убивать, калечить, решать свои криминальные дела. А я сижу здесь, в его пентхаусе, в его шелковой пижаме, рисую его же красками.

Я бросилась в свою комнату и захлопнула дверь, хотя ее и не нужно было запирать. Я была заперта в самой себе, в этом кошмаре. Я подошла к холсту. Мой нарисованный город смотрел на меня. И теперь я знала, какой цвет нужно добавить. Я взяла кисть, выдавила на палитру каплю кармина и провела по горизонту кроваво-красную полосу.

Словно на небе отразились его дела.

Глава 7. Семь минут до победы. Альберт

Звонок от Игоря вырвал меня из странного, почти сюрреалистичного состояния. Вот я сижу за столом со своей пленницей, которая ненавидит меня так сильно, что это почти осязаемо, а в следующую секунду я уже снова Гранитский, властелин криминального мира, у которого проблемы.

- Сиди в своей комнате и не высовывайся.

Я бросил ей этот приказ, а в голове промелькнула мысль: это не только для того, чтобы она не мешала. Это для того, чтобы она была в безопасности. Здесь, в этих стенах, она под моей защитой. Там, за дверью, - мой мир. И ему не место рядом с ней. Эта мысль была новой и неприятной. Я отмахнулся от нее, как от назойливой мухи.

В кабинете я достал из сейфа свой верный Glock 17 и запасную обойму. Засунул за пояс, под куртку. Быстрый взгляд в зеркало - холоден, собран, готов.

Игорь ждал в машине.

- Что случилось? - спросил я, садясь в "Майбах".

- Нападение на наш склад с электроникой на юге. Люди Воронова. Взяли в кольцо, наших там трое. Держат оборону, но долго не продержатся.

- Воронов совсем страх потерял, - прорычал я. - Он решил сыграть по-крупному. После утреннего "разговора". Идиот.

Я достал телефон и набрал начальника своей службы безопасности.

- Седой, на связи. Группа "Альфа" - полная боевая готовность. Через десять минут выдвигаетесь на южный склад. Задача - блокировать все выходы. Ни одна крыса Воронова не должна уйти. Работаем жестко. Очень жестко.

- Принято, босс.

Я откинулся на сиденье. Адреналин уже начал поступать в кровь. Это была моя стихия. Интриги, просчет ходов, быстрая и жестокая расправа. Воронов допустил ошибку. Он решил, что утренний захват его шестерки - это случайность. Он решил ответить силой. Он не понимал, что лезет в клетку к льву, который давно не обедал.

Мы не поехали прямо на склад. Это было бы глупо. Я руководил операцией из машины, которая кружила в соседнем квартале. На экране моего планшета в реальном времени отображалась картинка с дрона, который завис над складом, и тактическая карта с перемещением моих бойцов.

- "Альфа" на месте. Начинаем, - доложил Седой.

Я смотрел, как мои люди, профессионалы до мозга костей, бесшумно окружают ангар. Через несколько минут началась короткая, яростная перестрелка. На картинке с тепловизора вспыхивали и гасли точки. Все закончилось за семь минут.

- Чисто, босс. У нас один трехсотый, легко. У них - все двухсотые. Двоих взяли живыми.

- Отлично. Пленных - ко мне. Остальное - зачистить. Чтобы к утру там и запаха их не было.

"Майбах" плавно развернулся и покатил в сторону промзоны. Внутри меня было холодное удовлетворение. Порядок восстановлен. Конкурент наказан. Но странное дело - сегодня это не принесло привычного чувства полного триумфа. Мысли постоянно возвращались в пентхаус. К ней. К тому, как она вскочила, опрокинув стул. В ее глазах была не только ненависть, но и боль. Искренняя, незащищенная боль.

Я тряхнул головой. Сантименты. Непозволительная роскошь.

Допрос пленных был коротким. Сломанные пальцы быстро развязывают языки. Воронов действительно решил, что я ослаб. Что новый легальный бизнес сделал меня мягким. Он планировал серию нападений, чтобы отжать у меня самые прибыльные точки. Теперь у меня на руках были все его планы, имена, адреса. Завтра утром его империя перестанет существовать.

Я вернулся домой далеко за полночь. В квартире было тихо. Я разулся в прихожей и на цыпочках, сам не понимая зачем, прошел в гостиную. Свет от ночного города мягко освещал комнату.

Ее дверь была приоткрыта.

Я заглянул внутрь. И замер.

Дарина спала, уронив голову на руки, прямо за рабочим столом у мольберта. Рядом валялась кисть, пальцы были перепачканы краской. На холсте полыхал мой город. И эта кровавая полоса на горизонте... она нарисовала ее после моего ухода. Она почувствовала.

Я подошел ближе. От нее пахло красками и чем-то еще... тонким, едва уловимым ароматом ее кожи, ее волос. Ваниль и чистота. Этот запах был таким неуместным в моем мире, пропитанном порохом и кровью.

Она выглядела такой юной и беззащитной во сне. Длинные ресницы отбрасывали тени на щеки. Губы были слегка приоткрыты. Не было ни ненависти, ни страха в ее лице. Просто уставшая девушка.

Во мне что-то дрогнуло. Не жалость. Что-то другое. Желание защитить. Оградить этот маленький островок покоя от того мира, из которого я только что вернулся. Я протянул руку, чтобы убрать прядь волос, упавшую ей на лоб, но в последний момент отдернул. Нельзя. Нельзя прикасаться. Это нарушит какой-то невидимый баланс.

Я молча вышел, взял в гостиной легкий кашемировый плед и вернулся. Аккуратно, стараясь не разбудить, накрыл ее плечи. Она что-то пробормотала во сне и плотнее закуталась в него.

Я постоял еще минуту, глядя на нее, а потом вышел и тихо прикрыл дверь. В своей спальне я подошел к окну и посмотрел на тот же самый город, что был на ее холсте. Но теперь я видел его по-другому. Я видел его ее глазами. Холодным. Опасным. И одиноким.

И впервые за долгие годы я почувствовал, что мое собственное одиночество в этом городе стало почти невыносимым. Эта девочка, моя пленница, моя лисичка, сама того не зная, провела трещину не только на холсте, но и в моей ледяной броне. И это было опаснее любой перестрелки.

Глава 8. Искусство выживания. Дарина

Я проснулась оттого, что затекла шея. Первой мыслью было - где я? Не в мягкой постели, а за столом. Голова лежала на руках, рядом - палитра с засохшими красками и банка с кистями. Я вчера так и уснула, обессиленная от эмоций и запаха масла.

Солнечный свет заливал комнату, делая пылинки в воздухе золотыми. Я подняла голову, разминая ноющие плечи, и тут заметила. На мне было что-то мягкое и теплое. Кашемировый плед темно-серого цвета. Он не мог появиться здесь сам по себе.

Сердце пропустило удар.

Он. Альберт. Он вернулся ночью. Он видел меня спящей, уязвимой. И он... укрыл меня.

Этот простой, почти человеческий жест совершенно не вязался с образом монстра, который уехал вершить свои темные дела с пистолетом за поясом. Я сбросила плед, словно он обжигал. Что это за игра? Сначала - угрозы и тотальный контроль, потом - дорогие краски, теперь - этот плед. Он пытается меня запутать, размягчить, сделать податливой? Или в этом чудовище действительно есть что-то еще, кроме льда и жестокости?

Я встала и подошла к холсту. При дневном свете моя картина выглядела еще более жуткой. Город-монстр, истекающий кровью заката. Это был мой вызов, мой безмолвный крик. И он его видел.

Страх смешался с упрямством. Я не отступлю. Я не позволю ему сбить меня с толку.

Приведя себя в порядок в ванной, я снова натянула шелковую пижаму - другой одежды у меня по-прежнему не было - и пошла на кухню. Он уже был там. Сидел за столом с чашкой кофе и планшетом в руках. На нем были простые черные джинсы и футболка, и в этой домашней одежде он выглядел обманчиво нормальным. Если не считать шрамов, проглядывающих на предплечьях, и ауры абсолютной власти, которая исходила от него даже в расслабленной позе.

Он поднял на меня глаза, когда я вошла. Взгляд был спокойным, изучающим.

Я заставила себя подойти к кофемашине и сделать себе чай. Руки слегка дрожали. Я почувствовала его взгляд на своей спине.

- Доброе утро, - его голос был ровным, без вчерашней металлической жесткости.

Я не ответила. Просто взяла чашку и села за стол напротив него, как можно дальше.

- Плед - начала я, не выдержав напряжения, и мой голос прозвучал хрипло. - Это вы сделали?

Он оторвался от планшета и посмотрел мне прямо в глаза.

- Ты бы замерзла.

Просто. Буднично. Словно речь шла о прогнозе погоды. Никаких объяснений, никаких эмоций. И это выбивало почву из-под ног еще больше, чем если бы он начал издеваться.

- Мне не нужна ваша забота, - выдавила я.

- Это не забота. Это практичность, - отрезал он. - Больная вещь теряет в цене.

Снова унижение. Он вернул меня на место. Я - вещь. Просто дорогая вещь, которую нужно содержать в порядке. Боль вспыхнула и тут же сменилась холодной яростью.

- Я видел твою картину, - продолжил он, словно не заметив моей реакции. - Ты талантлива. В твоей ненависти много энергии.

Я впилась ногтями в ладони. Он не разозлился. Он не приказал уничтожить холст. Он... похвалил?

- Сегодня мы поедем в город, - заявил он, откладывая планшет в сторону.

Я замерла с чашкой в руке. В город? За пределы этой квартиры? Мысль о том, чтобы снова оказаться на улице, вдохнуть свежий воздух, была пьянящей. Но тут же пришло осознание: я поеду с ним. Как собачка на поводке.

- Зачем? - прошептала я.

- Тебе нужна одежда. Не будешь же ты вечно ходить в пижаме, - он усмехнулся. - И заедем в твой любимый художественный магазин. Я заметил, ты предпочитаешь определенную марку растворителя.

Он знал. Он знал мой любимый магазин. Он знал, какими материалами я пользуюсь. Эта осведомленность пугала. Он изучил меня, как энтомолог изучает бабочку, перед тем как проткнуть ее булавкой.

- Я никуда с вами не поеду, - упрямо сказала я, хотя сердце колотилось от страха и странного, запретного предвкушения.

Он наклонился ко мне через стол. Его лицо было совсем близко. Я видела каждую черточку, темную щетину на подбородке, золотистые искорки в его черных глазах.

- Поедешь, Дари, - прошептал он, и от этого шепота у меня по спине побежали мурашки. - Ты сделаешь все, как я скажу. Ты будешь мило улыбаться продавцам. Ты будешь держаться рядом со мной. Ты не сделаешь ни одной глупости. Потому что если сделаешь твоему отцу станет очень некомфортно в его пансионате. Ты меня поняла?

Я смотрела в его глаза и видела там сталь. Он не шутил. Любой мой неверный шаг отразится на папе.

Я медленно кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

- Вот и умница, - он откинулся на спинку стула, снова становясь расслабленным и отстраненным. - Собирайся. Через час выезжаем.

Он поднялся и ушел, оставив меня одну в тишине. Я смотрела в свою чашку с остывшим чаем. Стены моей тюрьмы сегодня расширятся до размеров города. Но поводок станет еще короче. И я сама должна буду держать его, улыбаясь своему тюремщику. Это была новая, еще более изощренная пытка.

Глава 9. Тест на прочность. Альберт

Я наблюдал за ней из-за планшета. За тем, как она проснулась, как заметила плед. Видел всю гамму эмоций на ее лице - недоумение, подозрение, гнев. Она сбросила его, как горящую тряпку. Правильно. Не хватало еще, чтобы она начала видеть во мне что-то хорошее. Это усложнит все. Для нас обоих.

Мой ответ про "больную вещь" был просчитанной жестокостью. Нужно было вернуть ее в реальность, напомнить ей ее место. Ее ненависть - это то, что держит ее на плаву, не дает сломаться. А мне нужна сильная игрушка, а не безвольная кукла.

Ее картина... Она поразила меня. Ненависть действительно может быть созидательной. Она выплеснула на холст всю черноту моего мира, всю безысходность своей клетки. И я, глядя на эту работу, впервые за долгое время почувствовал нечто похожее на восхищение.

Решение вывести ее в город созрело еще ночью. Во-первых, это необходимо. Она не может вечно ходить в пижаме. Во-вторых, это тест. Проверка ее на прочность, на здравомыслие. И в-третьих я солгу себе, если скажу, что мне не было просто любопытно. Любопытно увидеть ее за пределами этих стен. Увидеть, как она будет реагировать на мир, на меня в этом мире.

Ее испуганное, но упрямое "я никуда с вами не поеду" было ожидаемо. И мой ответ про отца был необходим. Она должна четко понимать границы. Свобода иллюзорна, а поводок - вполне реален.

Когда я ушел в кабинет, чтобы дать ей собраться, я первым делом набрал Игоря.

- Через час мы с девушкой выезжаем в центр. Бутик Brioni на Столешниковом, потом "Передвижник" на Тверской. Мне нужно полное, но абсолютно невидимое сопровождение. Две машины в потоке, люди в бутике и в магазине под видом покупателей. Никто не должен даже косо посмотреть в нашу сторону. И ни одна камера не должна нас зафиксировать так, чтобы потом можно было что-то доказать. Чистая работа. Понял?

- Понял, босс. Все будет.

- Что по Воронову?

- Его империя осыпалась за ночь. Основные активы переходят под наш контроль. Сам он залег на дно, но это вопрос времени. Ищейки уже взяли след.

- Хорошо. Держи в курсе.

Я положил трубку. Бизнес шел своим чередом. Жестокий, кровавым, но эффективным.

Когда я вышел, она ждала меня в прихожей. На ней была все та же кремовая пижама. Она смотрела на меня с вызовом.

- Вы сказали, мне нужна одежда. У меня ее нет.

Я усмехнулся. Лисичка. Даже здесь пытается уколоть. Я молча открыл дверь гардеробной и достал оттуда длинный черный кашемировый кардиган.

- Накинь. В машине переоденешься.

Я бросил ей вещь. Она поймала ее на лету. Затем я протянул ей пакет из бутика. - Там джинсы и свитер. Твоего размера.

Она молча взяла пакет, ее щеки залил легкий румянец. Унижение от того, что я знаю ее размер, от того, что я снова все продумал, боролось в ней с необходимостью подчиниться.

Мы спустились в подземный паркинг. Я повел ее не к "Майбаху", а к черному матовому Lamborghini Urus. Менее броско, более агрессивно. Идеально для такой поездки.

Я открыл перед ней пассажирскую дверь. Она секунду колебалась, а потом села. Всю дорогу до центра она молчала, глядя в окно. Я видел, как жадно она впитывает в себя улицы, людей, жизнь, которой ее лишили. Я включил тихую классическую музыку, чтобы хоть как-то сгладить напряжение.

В бутике нас встретил управляющий, которого я предупредил заранее. Для всех остальных посетителей магазин был временно "закрыт на спецобслуживание".

- Выбирай, - просто сказал я ей, обводя рукой ряды вешалок с дизайнерской одеждой.

Она растерянно смотрела на все это великолепие. Я видел, что она подавлена. Это было слишком для нее.

- Ладно, - я позвал консультанта. - Соберите базовый гардероб. Джинсы, несколько свитеров, пара платьев, белье, верхняя одежда. Все в спокойных тонах.

Пока девушка-консультант порхала вокруг Дарины, я отошел к окну. Мой телефон снова завибрировал. Звонил Седой.

- Босс, у нас гости. На хвосте висели от самого дома. Не люди Воронова, почерк другой. Профессионалы.

Я напрягся.

- Кто?

- Пока не знаем. Машина чистая. Просто наблюдают. Сидят в кафе напротив. Двое.

Я посмотрел в окно. И правда, в кафе за столиком у окна сидели двое мужчин в неприметной одежде. Но их выправка, то, как они держали чашки, как сканировали улицу, выдавало в них профи.

- Понял. Не спугните. Ведите их. Игорь, ты слышал?

- Слышал, босс, - раздался голос Игоря в динамике. Он был в одной из машин сопровождения. - Ведем.

- Дарина, мы уходим, - я подошел к ней. - Все, что выбрали, доставят домой.

Она удивленно посмотрела на меня, но подчинилась. Ее чуткость уловила перемену в моем настроении.

Мы вышли на улицу. Я намеренно повел ее мимо того самого кафе. Проходя мимо, я встретился взглядом с одним из наблюдателей. В его глазах на долю секунды мелькнуло узнавание и... что-то еще. Словно он смотрел не на меня, а на Дарину.

Я крепче сжал ее локоть, почти силой усаживая в машину.

- Что случилось? - спросила она, когда мы рванули с места.

- Ничего, о чем тебе стоит беспокоиться, - отрезал я. - Просто изменились планы. В художественный магазин заедем в другой раз.

Я вел машину, а сам анализировал ситуацию. Кто это был? Конкуренты? Полиция? Или что-то из прошлого? И почему они смотрели на нее?

Эта поездка должна была стать демонстрацией моего контроля. А превратилась в напоминание о том, что в моем мире опасность может прийти с любой стороны. И теперь я втянул в этот мир ее. Она больше не просто моя пленница. Она - моя уязвимость.

Я бросил на нее короткий взгляд. Она снова смотрела в окно, но теперь в ее глазах была не тоска по свободе, а тревога. Она все поняла.

И это усложняло мою игру на порядок.

Глава 10. Опасный танец. Дарина

Возвращение в пентхаус было похоже на погружение под воду после короткого, обманчивого глотка воздуха. Тишина в лифте давила, звенела в ушах. Я стояла рядом с ним, чувствуя исходящее от него напряжение. Он больше не был расслабленным хозяином положения. Он превратился в натянутую струну, в хищника, почуявшего чужака на своей территории.

И я была причиной. Или, по крайней мере, я находилась в эпицентре.

В квартире он не сказал ни слова. Просто прошел в свой кабинет и плотно закрыл за собой дверь. Я осталась одна посреди огромной гостиной, все еще в его кашемировом кардигане поверх своей пижамы. Я чувствовала себя глупо и неуместно.

Что это было? Кто были те люди в кафе? Почему он так резко изменился? Вопросы роились в голове, но ответов не было. Я знала одно: опасность, от которой я пыталась мысленно отгородиться, стала реальной. Она вышла за пределы наших с ним отношений и теперь дышала нам в затылок с улиц города. И как это ни парадоксально, в тот момент единственным безопасным местом в мире казалась эта золотая клетка. Рядом с моим тюремщиком.

Через час в дверь позвонили. Я вздрогнула от неожиданности. Альберт вышел из кабинета, на его лице не было и тени былого напряжения - снова холодная, непроницаемая маска. Он посмотрел на меня.

- Это доставка. Твои вещи.

Он открыл дверь. На пороге стоял человек в униформе, а за ним - гора фирменных пакетов и коробок. Человек не поднимал глаз, быстро занес все в прихожую, молча кивнул и исчез.

Альберт указал подбородком на пакеты.

- Разбирай.

Это был приказ. Я медленно подошла к этой горе чужой роскоши. Внутри все сжималось от унижения. Меня одели, как куклу. Купили, как вещь. Я начала переносить пакеты в свою комнату. Они были легкими, но казались невыносимо тяжелыми.

Я выкладывала вещи на кровать. Идеально скроенные джинсы, мягчайшие кашемировые свитера, несколько платьев из струящегося шелка, дорогое кружевное белье. Все было подобрано с безупречным вкусом. И все было чужим. Это была не моя одежда. Это был костюм для роли, которую он для меня написал. Роли его женщины.

Я зашла в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Испуганная девушка с огромными глазами. Я сняла его кардиган, пижаму. Взяла первое, что попало под руку - простое черное платье из плотного шелка. Оно село идеально. Струящаяся ткань приятно холодила кожу. Я распустила волосы, которые упали на плечи темными волнами.

И в зеркале на меня посмотрела другая. Не Дарина Истомина, студентка худграфа. А незнакомая, взрослая, пугающе красивая женщина. Женщина, которая могла бы принадлежать такому мужчине, как Альберт Гранитский. От этой мысли к горлу подкатила тошнота.

Я провела в своей комнате остаток дня, не выходя. Я не притронулась к краскам. Все мое вдохновение, вся моя ярость испарились, оставив после себя лишь пустоту и тревогу.

Вечером он постучал. Короткий, властный стук. Я вздрогнула, но ничего не ответила. Дверь открылась. Он стоял на пороге.

- Ужин готов.

Он окинул меня взглядом, задержавшись на платье. В его глазах на долю секунды промелькнуло что-то похожее на одобрение.

- Надень черное платье, - сказал он. Не попросил. Приказал.

Я молча встала и пошла за ним. На ужин был стейк и красное вино. Он сам готовил. Это было еще одной странной, выбивающей из колеи деталью. Бандит, убийца, глава мафии - у плиты.

Мы снова ели в тишине. Но она была другой. Теперь в ней витал не только мой страх, но и отголоски внешней угрозы.

- Те люди... - начала я, не выдержав. - Они из-за вас?

Он медленно прожевал, отпил вина и посмотрел на меня.

- Они из-за моего бизнеса.

- Это опасно?

На его губах появилась кривая усмешка.

- Мой мир всегда опасен, Дарина. Но тебе не о чем волноваться.

Он встал из-за стола и подошел ко мне. Я замерла, вжавшись в спинку стула. Он протянул руку и коснулся пальцами тонкой бретельки моего платья. Его пальцы были горячими, и от этого простого прикосновения по моей коже пробежал табун мурашек.

- Пока ты со мной, тебя никто не тронет, - его голос стал низким, почти интимным. Он наклонился к моему уху, и я почувствовала его горячее дыхание. - Кроме меня.

Он выпрямился и ушел, оставив меня одну, дрожащую от смеси страха и странного, пугающего волнения. Он был моим главным страхом, моей тюрьмой. Но он же обещал стать моей защитой. И этот опасный танец, в который он меня втянул, становился все сложнее и запутаннее.

Глава 11. Игра на другом уровне. Альберт

Дверь пентхауса захлопнулась, отсекая внешний мир. Но я знал, что это иллюзия. Враг был там, на улице. Он видел меня. Он видел ее. И это приводило меня в бешенство.

Первым делом я прошел в кабинет, закрыл дверь и набрал Игоря по защищенной линии в Telegram.

- Что по наблюдателям?

- Отрабатываем, босс. Машину пробили, номера левые, перебитые. Лица прогоняем по всем нашим базам - пока чисто. Это не местные. Профессионалы, работают аккуратно.

- Мне не нужно "аккуратно". Мне нужны имена. Поднимите все записи с уличных камер на квартал вокруг. Отследите их маршрут. Найдите, где они залегли. У вас есть три часа.

- Будет сделано.

Я сбросил вызов, сжимая телефон в руке так, что побелели костяшки. Ненавижу, когда играют на моей территории без моего ведома. Ненавижу, когда я не контролирую ситуацию. А больше всего я ненавидел то, что они смотрели на Дарину.

Это было иррационально. Она - мой актив, мой трофей. Угроза активу - это угроза моему статусу. Так я должен был рассуждать. Холодно и логично. Но логика давала сбой. Я чувствовал нечто иное. Глухую, первобытную ярость собственника. Словно кто-то чужой посмел позариться на то, что принадлежит исключительно мне.

Она стала моей навязчивой идеей. Моим личным сортом героина. Я привык к ее присутствию в этом огромном, пустом пентхаусе. К ее тихому сопротивлению, к запаху красок из ее комнаты, к тому, как она смотрит на меня - со смесью страха и ненависти. Она была единственным живым, настоящим, что было в моей стерильной, выверенной до миллиметра жизни. И я не собирался этим ни с кем делиться.

Когда привезли ее вещи, я наблюдал за ней через систему скрытого видеонаблюдения, картинка с которой выводилась на один из моих мониторов. Я видел, как она разбирает пакеты, как прикасается к дорогим тканям. Видел ее растерянность. А потом я увидел ее в том черном платье.

И на секунду забыл, как дышать.

Это была уже не испуганная девочка. Это была женщина. Опасная, притягательная. Моя. В тот момент я понял, что хочу видеть ее только так. Одетую в шелка, купленные мной, живущую в моем доме, принадлежащую мне без остатка.

Мой приказ "надень черное платье" был чистым эгоизмом. Я хотел снова увидеть тот образ, который выжег сетчатку.

За ужином я изучал ее. Она была напугана, но пыталась это скрыть. Она задала правильные вопросы. Она умна. И она невольно начала доверять мне. Искать во мне защиту от внешнего мира, который я сам для нее и представлял. Иронично.

Мое прикосновение к ее плечу, мой шепот - это был четкий сигнал. Для нее и для себя. Я устанавливаю новые правила. Да, есть угроза извне. Но главной угрозой, единственной силой, единственной властью в ее жизни остаюсь я. Я - ее страх, и я - ее безопасность. Этот парадокс должен был окончательно привязать ее ко мне.

Когда я ушел в кабинет, я не стал продолжать работать. Я снова открыл канал видеонаблюдения. Она долго сидела за столом, не двигаясь. Потом убрала посуду и ушла в свою комнату. Она не легла спать. Она просто сидела на кровати, обхватив колени руками. Маленькая, одинокая фигурка в огромной комнате.

Телефон завибрировал. Игорь.

"Есть зацепка. Похожи на людей "Синдиката". Федералы, которые работают под прикрытием. Очень глубоким".

Пальцы замерли над экраном. Федералы. Это меняло все. Это была не бандитская разборка. Это была игра на совершенно другом уровне. Но что им нужно? Я чист перед законом - по крайней мере, на бумаге.

"Почему они здесь? Что им нужно от меня?"

"Думаю, дело не в тебе, босс. Пробили прошлое Истомина, ее отца. Он не так прост. Несколько лет назад он был свидетелем по очень громкому делу "Синдиката". Проходил по программе защиты свидетелей, потом соскочил, сменил имя, залег на дно. Видимо, они его нашли. И теперь ищут рычаг давления".

Я откинулся в кресле, глядя в темноту за окном. Картинка сложилась. Они ищут не меня. Они ищут ее. Дочь ценного свидетеля. И я, забрав ее у отца, сам того не зная, вытащил ее на свет и повесил на нее огромную мишень. Я думал, что забираю трофей, а на самом деле, я забрал ключ к чужой, очень опасной игре.

Я снова посмотрел на монитор. Она все так же сидела на кровати. Невинная пешка в разборках, о которых она даже не подозревает. И я, ее тюремщик, ее монстр, внезапно стал ее единственным щитом.

Ярость сменилась холодной, расчетливой злостью. Они не получают ее. Никто ее не получает. Она - моя. Моя проблема, моя ответственность, моя одержимость.

Я встал и прошел в свою спальню. Взял из прикроватной тумбочки пистолет и положил его рядом с собой. Сегодня я буду спать чутко. Потому что теперь я защищал не просто свою собственность. Я защищал ее. А это, как я начал понимать, было для меня куда важнее.

Глава 12. Запретное любопытство. Дарина

Ночь была беспокойной. Я спала урывками, проваливаясь в тревожные сны, где меня преследовали безликие тени из кафе, а потом появлялся Альберт, заслоняя меня своей широкой спиной. Я просыпалась в холодном поту, и эхо его слов - "Кроме меня" - звучало в оглушительной тишине комнаты.

Утром я проснулась с чувством, что что-то изменилось. Воздух в квартире стал плотнее, гуще. Словно невидимая угроза снаружи заставила эти стены сжаться, превращая мою тюрьму в подобие крепости.

Я надела один из новых нарядов - простые серые джинсы и мягкий кашемировый свитер цвета слоновой кости. Одежда сидела идеально, и это раздражало. Я чувствовала себя перелодетой куклой, но спорить было бессмысленно. Выйдя на кухню, я увидела его. Он не сидел за столом, как обычно. Он стоял у панорамного окна, глядя на город, и говорил по телефону. Говорил тихо, отрывисто, на языке, который я не понимала. Но по его напряженной позе, по тому, как ходили желваки на скулах, я поняла - разговор был серьезным.

Он заметил меня, закончил разговор короткой фразой и убрал телефон.

- Доброе утро, - сказал он, и его голос был спокоен, но глаза в них была сталь. - Завтракай. Сегодня у нас будет другой распорядок.

Я молча приготовила себе кофе. Другой распорядок? Что это значит? Мое сердце тревожно екнуло.

Мы завтракали в тишине. Он почти не ел, лишь пил свой эспрессо и смотрел куда-то сквозь меня. Я чувствовала себя бабочкой под стеклом. Он был здесь, рядом, но мыслями - далеко, в своем жестоком мире, полном теней и опасностей.

- Пойдем, - сказал он, когда я допила кофе.

Он повел меня не в гостиную и не в мою комнату. Он открыл дверь, которую я раньше считала кладовкой. За ней оказался небольшой, но прекрасно оборудованный тренажерный зал. Беговая дорожка, стойка с гантелями, боксерская груша, свисающая с потолка. Стены были зеркальными, и я увидела в них нас. Его - огромного, в черной спортивной одежде, и себя - хрупкую, потерянную, в светлом свитере.

- Что мы здесь делаем? - спросила я, мой голос дрогнул.

- Я буду тебя учить, - ответил он, снимая футболку.

Я невольно отшатнулась. Его торс был покрыт витиеватой вязью татуировок. Мощные мышцы перекачивались под кожей. Он был похож на языческого бога войны. Я не могла отвести взгляд, чувствуя, как щеки заливают краска стыда и странного, запретного любопытства.

- Учить чему? - прошептала я.

- Защищаться, - он подошел к груше и нанес по ней серию коротких, сокрушительных ударов. Звук был оглушительным. Я вздрогнула. - Мой мир пришел за тобой, Дарина. И я не всегда могу быть рядом. Ты должна уметь постоять за себя. Хотя бы несколько секунд. Этого хватит, чтобы я успел прийти на помощь.

Его слова были как удар под дых. Мой мир пришел за тобой. Значит, те люди... они охотятся на меня? Ужас ледяными иглами впился в сердце.

- Подойди, - приказал он.

Ноги стали ватными, но я подчинилась. Я подошла и встала напротив него. Он пах потом, металлом и дорогим парфюмом. Убийственный коктейль.

- Я покажу тебе несколько простых приемов. Как освободиться от захвата, куда бить, чтобы выиграть время. Слушай внимательно.

Он взял мою руку. Его ладонь была горячей и жесткой, она полностью скрыла мое запястье.

- Если тебя схватили так, - он сжал пальцы, не сильно, но ощутимо, - не пытайся вырваться силой. Это бесполезно. Бей в самое уязвимое место.

Он развернул меня к себе и мягко, почти невесомо, коснулся пальцами точки под моим подбородком, потом - солнечного сплетения, потом - колена. Каждое его прикосновение обжигало кожу сквозь одежду. Мое дыхание сбилось. Я смотрела в его глаза, находясь всего в паре сантиметров от его лица, и видела в них лишь темное, сосредоточенное пламя.

- Теперь ты, - сказал он, отпуская меня. - Попробуй ударить меня.

- Я... я не могу.

- Можешь. И будешь. Представь, что я - один из них. Что я хочу причинить тебе боль. Ударь меня, Дари.

Он смотрел на меня, и в его взгляде был вызов. Вся моя ненависть, весь мой страх, вся обида за разрушенную жизнь всколыхнулись во мне. Я сжала кулак и неумело ткнула его в грудь.

Он даже не пошевелился. Лишь усмехнулся.

- Сильнее. Вложи в удар всю свою ненависть ко мне.

И я ударила. Снова. И снова. Я колотила его по мощной груди, вымещая всю свою боль и бессилие. Слезы застилали глаза. А он просто стоял и принимал мои слабые удары, глядя на меня сверху вниз.

В какой-то момент он перехватил мои запястья. Я замерла, тяжело дыша, слезы текли по щекам.

- Уже лучше, - сказал он неожиданно тихо. Его большие пальцы мягко поглаживали мою кожу. - В тебе есть огонь. Нужно просто направить его в нужное русло.

Он стоял так близко. Я чувствовала жар его тела, видела каждую ресничку, каждую пору на его коже. Мое сердце билось где-то в горле. Ненависть испарилась, оставив после себя лишь оглушительную пустоту и странную, тягучую слабость.

Он медленно наклонился, и я замерла, уверенная, что он меня поцелует. Я даже прикрыла глаза... Но его губы лишь на мгновение коснулись моего лба. Легкое, почти невесомое прикосновение.

- Урок окончен, - сказал он, отступая на шаг. - Иди. Приведи себя в порядок.

Я развернулась и, не глядя на него, почти выбежала из зала. В своей комнате я прислонилась спиной к двери, сползая на пол. Мое тело дрожало. Я коснулась пальцами лба, там, где только что были его губы. Я ненавидела его. Ненавидела за то, что он превратил меня в свою вещь, за то, что разрушил мою жизнь. Но в этот момент, когда он учил меня защищаться, когда принимал мои удары, когда коснулся губами моего лба... я впервые почувствовала, что он не просто мой тюремщик.

Он был моим единственным шансом на спасение. И эта мысль пугала сильнее всего.

Глава 13. Маршрут до морга. Альберт

Ночью я почти не спал. Сидел в кабинете, глядя на мониторы. На одном - схемы передвижения людей "Синдиката", которых мои парни вели от самого бутика. На другом - спящая Дарина. Она ворочалась, металась во сне. Ей снились кошмары. Мои кошмары.

К утру у меня был полный расклад. Два федеральных агента, Марк Хейли и Роберт Картер. Легенда - бизнесмены из Чикаго. Их база - съемная квартира в элитном ЖК в двух кварталах отсюда. Они следили не за мной. Они ждали, когда я выведу их на Истомина. Или когда они смогут забрать у меня Дарину, чтобы надавить на ее отца.

Они недооценили меня. Они думали, что я просто бандит, который увез девчонку за долги. Они не знали, что я считаю эту девчонку своей территорией. А на моей территории охочусь только я.

Решение пришло само собой. Просто убрать их - глупо и шумно. Создаст проблемы с властями, которых я всегда избегал. Нужно было послать сообщение. Громкое, четкое и бескровное. Сообщение о том, что они залезли в чужой улей.

За завтраком я наблюдал за ней. Она была бледна, под глазами тени. Но она надела новую одежду. Она подчинилась. И в ее глазах я больше не видел чистой ненависти. Теперь там был страх, смешанный с любопытством. Она чувствовала, что правила изменились.

И я решил дать ей новые правила. Научить ее выживать.

Идея с тренировкой была импульсивной, но правильной. Она должна была понять две вещи. Первое: опасность реальна. Второе: единственный, кто может ее защитить и подготовить - это я. Это был еще один способ привязать ее к себе, сделать зависимой. Но была и третья, глубинная причина, в которой я не признавался даже себе. Я хотел, чтобы она выжила. Если со мной что-то случится, если я не успею, она должна бороться.

Когда я снял футболку, я увидел, как расширились ее зрачки. Она смотрела на мои татуировки, на шрамы. Смотрела с испугом и с завораживающим интересом. Она видела во мне не просто мужчину, а нечто иное, первобытное. И это было правильно. Она должна меня бояться. Но и желать моей защиты.

Ее удары по моей груди были как у котенка. Но я чувствовал ее ярость, ее отчаяние. Я позволил ей выплеснуть все это на меня. Я был ее громоотводом. А потом я увидел слезы. И что-то внутри меня оборвалось. Весь мой холодный расчет, вся моя жестокость отступили перед видом ее слез.

Я перехватил ее руки. Ее кожа была такой нежной под моими огрубевшими пальцами. Она пахла ванилью и слезами. И я едва сдержался, чтобы не прижать ее к себе, не зарыться лицом в ее волосы. Я боролся с собой, с желанием стереть все границы, которые сам же и установил.

Поцелуй в лоб был компромиссом. Пределом того, что я мог себе позволить. Жест защиты. Жест обладания. Жест, который она не сможет правильно истолковать, который еще больше запутает ее.

Когда она убежала, я еще долго стоял в зале. Воздух все еще пах ею. Я позвонил Игорю.

- Время, - сказал я в телефон.

- Понял, босс. Группа на месте.

Я прошел в кабинет и включил канал с камеры, установленной моими людьми в вентиляции на лестничной клетке у квартиры федералов. Через десять минут из квартиры вышли Хейли и Картер. Они спустились в паркинг. Сели в свою неприметную "Тойоту". Хейли повернул ключ зажигания.

Машина не взорвалась. Вместо этого из динамиков на полную громкость заиграла траурная музыка Шопена, а навигатор на приборной панели женским голосом произнес:

"Вы заехали на чужую территорию. Маршрут перестроен. Конечная точка - городской морг".

Я видел их побелевшие лица на записи. Они выскочили из машины, начали осматривать ее в поисках бомбы. Бомбы не было. Но в бардачке их ждал еще один сюрприз. Папка с их настоящими именами, досье, фотографиями их семей.

Сообщение было доставлено.

Мой телефон завибрировал. Сообщение в WhatsApp от неизвестного номера.

"Гранитский. Это была ошибка. Мы недооценили тебя. Девочка нам больше не интересна. Нам нужен ее отец. Скажи, где он, и мы исчезнем из твоего города".

Я усмехнулся. Они испугались. И теперь пытаются договориться.

Я быстро напечатал ответ.

"Я не веду переговоров с теми, кто следит за моей женщиной. У вас 24 часа, чтобы убраться из моего города. Иначе следующий маршрут навигатора не будет шуткой".

Я отложил телефон. Первый раунд был за мной. Но я понимал, что это не конец. Они так просто не отступят.

Я посмотрел на дверь ее комнаты. Она была там, напуганная, сбита с толку. Она не знала, что всего несколько минут назад я вел за нее войну. И что я готов вести ее и дальше.

Теперь оставалось решить проблему с источником всего этого - с ее отцом. Я набрал номер начальника охраны "пансионата".

- Соедини меня с Истоминым. Сейчас же.

В трубке слышались шаги, щелчок замка. А потом - испуганный голос моего должника.

- Алло?

- Истомин, - мой голос был холоден как лед. - Твое прошлое пришло в мой город. И оно охотится на твою дочь. Мы должны поговорить.

Глава 14. Последнее предательство. Дарина

Я сидела на полу своей комнаты, прислонившись спиной к холодной двери, и пыталась унять дрожь. Мой лоб все еще горел от его мимолетного, почти целомудренного прикосновения. Этот жест был настолько выбивающимся из всего, что я о нем знала, что мой мозг отказывался его обрабатывать.

Монстры не целуют в лоб. Они берут, ломают, унижают. Он делал все это. Но потом он учил меня драться. Принимал мои слабые, полные ненависти удары. И смотрел на меня так... словно я была не просто вещью, а чем-то хрупким, что нужно защитить.

Я запуталась. Окончательно и бесповоротно. Моя ненависть, такая чистая и ясная еще вчера, сегодня стала мутной, в ней появились примеси. Страх, смятение, и что-то еще, чему я боялась дать имя. Что-то похожее на... зависимость. Я зависела от него. От его еды, его крыши над головой, а теперь - и от его защиты.

Я провела так несколько часов. Я не могла ни рисовать, ни читать. Просто сидела, глядя в одну точку, и пыталась собрать осколки своего мира. Но они резали пальцы.

Ближе к вечеру в мою дверь снова постучали. Я вздрогнула.

- Войдите, - прошептала я, потому что знала - он войдет в любом случае.

Альберт появился на пороге. Он переоделся в темные брюки и черную рубашку. Выглядел собранным и опасным, как пантера перед прыжком.

- Пойдем со мной, - его голос не допускал возражений.

Я молча поднялась и пошла за ним. Он привел меня в свой кабинет. Я была здесь впервые. Огромный стол из темного дерева, кожаное кресло, похожее на трон. Одна стена была полностью стеклянной, открывая захватывающий вид на ночной город. Другая была завешана мониторами, на которых мелькали какие-то графики, карты и изображения с камер наблюдения. Это был командный центр его темной империи.

Он сел в свое кресло и указал мне на стул напротив. Я села на самый краешек, чувствуя себя мышью в логове льва.

Он молча наблюдал за мной несколько секунд, а потом взял свой телефон. Нажал на экран.

- Я хочу, чтобы ты кое-что услышала.

Он включил громкую связь. Раздались гудки, а потом... я услышала голос, от которого мое сердце сжалось в ледяной комок.

- Алло? - испуганно и неуверенно произнес мой отец.

- Истомин, - голос Альберта был холоден как сталь. - Твое прошлое пришло в мой город. И оно охотится на твою дочь. Мы должны поговорить.

Я замерла. Я хотела закричать, вырвать у него телефон, услышать, все ли в порядке с папой, но я не могла издать ни звука. Я просто вцепилась в подлокотники стула, слушая.

- Я... я не понимаю - лепетал отец. - Я все сделал, как они сказали Я залег на дно...

- Ты плохо залег, - отрезал Альберт. - Они здесь. И они знают о Дарине. Они хотели использовать ее, чтобы добраться до тебя.

Пауза. Долгая, звенящая пауза, в которой я слышала только свое бешено колотящееся сердце и тяжелое дыхание отца на том конце провода.

- Что... что мне делать? - наконец произнес он, и в его голосе была паника.

- Ты будешь делать то, что я скажу, - ровным тоном продолжил Альберт. - А твоя дочь останется здесь, со мной. Где она в полной безопасности. Ты меня понял? Она - гарантия того, что ты будешь вести себя правильно.

И тут мой отец произнес слова, которые разрушили мой мир до основания.

- Да... да, я понял. Дарина, доченька, если ты слышишь... слушайся Альберта Игоревича. Он знает, что делает. Пожалуйста... ради меня.

Он предал меня. Мой собственный отец. Он отдал меня этому человеку. Не потому, что его заставили. А потому, что так было проще. Безопаснее. Для него.

Альберт нажал на красную кнопку, прерывая вызов. В кабинете повисла оглушительная тишина. Я смотрела на него, но видела не его, а руины своей жизни. Последняя опора, последняя надежда на то, что где-то там есть мой папа, который любит меня и пытается спасти, рухнула. Я была одна. Совершенно одна в этом мире. С ним.

Слезы хлынули из глаз. Не тихие, как в спортзале. А горькие, отчаянные рыдания, сотрясающие все тело. Я больше не пыталась быть сильной. Смысла не было.

Он молча встал из-за своего огромного стола. Обошел его. Я думала, он сейчас скажет что-то жестокое, унижительное. Что-то вроде "я же говорил". Но он просто подошел и поставил передо мной стакан с водой.

- Пей, - тихо сказал он.

Я подняла на него заплаканные глаза. В его взгляде не было ни злорадства, ни удовлетворения. Было что-то другое. Тяжелое, темное, почти... сочувствующее?

- Теперь ты все поняла, Дари? - спросил он. - В этом мире нет никого, кому ты можешь доверять. Твой отец выбрал свою шкуру. Те люди хотят использовать тебя как приманку. Есть только я.

Он был прав. Чудовищно, ужасно, но прав. Он был единственной константой в моем рухнувшем мире. Мой похититель. Мой тюремщик. И мой единственный защитник.

Я взяла стакан дрожащими руками. Вода была холодной, она немного привела меня в чувство. Я сделала несколько глотков, не отрывая от него взгляда.

Моя ненависть умерла. Вместе с моей надеждой. На ее месте осталась лишь выжженная пустыня. И в этой пустыне стоял он. Огромный, темный, несокрушимый.

И я сделала первый шаг в его сторону.

Глава 15. Победа с горьким привкусом. Альберт

Я смотрел, как она плачет. Не так, как в спортзале - тихо и зло. А по-настоящему. Навзрыд, с отчаянием маленького, потерянного ребенка, у которого отняли все. Я сам это сделал. Я вырвал из-под нее последнюю опору, сжег последний мост, связывающий ее с прошлой жизнью. Жестоко. Необходимо.

Моей целью было сломать ее волю к сопротивлению, основанную на ложной надежде. Заставить ее понять, что ее единственный шанс на выживание - это я. И я достиг своей цели. Но победа имела горький привкус. Видеть ее такой... сломленной... было почти невыносимо. Инстинкт требовал прижать ее к себе, утешить, пообещать, что все будет хорошо. Но я не мог. Я должен был оставаться Гранитским. Холодным, расчетливым, держащим все под контролем.

Стакан воды был единственной уступкой, которую я мог себе позволить. Маленький человеческий жест посреди руин ее мира.

Она выпила воду. И посмотрела на меня. Я ждал в ее взгляде ненависти, упрека, чего угодно. Но увидел лишь пустоту. Выжженную пустыню, в которой не осталось ничего, кроме признания моей правоты. Моей силы.

Она капитулировала. Полностью.

Весь оставшийся вечер она была тенью. Она молча поужинала, глядя в тарелку, и ушла в свою комнату. Я остался один в огромной гостиной, глядя на огни ночного города. Я победил. Я обезопасил ее, заперев не только в квартире, но и в эмоциональной зависимости от себя. Так почему же на душе было так паршиво?

Я налил себе виски. Лед тихо звякнул о хрусталь. Я думал о ней. О ее нежной коже, о запахе ее волос, о том, как она смотрела на меня во время тренировки - со смесью страха и любопытства. Я вытащил ее из ее маленького уютного мира и бросил в свой. И теперь я несу за нее ответственность. За ее тело. За ее душу.

Ближе к полуночи я не выдержал. Я подошел к ее двери. Она была не заперта. Я тихо вошел.

Она не спала. Стояла у панорамного окна в своей комнате, в тонкой шелковой ночной рубашке, и смотрела на город. Ее силуэт четко вырисовывался на фоне огней. Она была похожа на хрупкую фарфоровую статуэтку. И мне захотелось разбить ее. И одновременно - спрятать под стекло, чтобы никто больше не мог к ней прикоснуться.

Она услышала мои шаги и обернулась. В ее глазах не было страха. Лишь тихая, всепоглощающая печаль.

- Ты прав, - сказала она тихо, ее голос был хриплым от слез. - Ты был прав во всем.

Я подошел и встал рядом с ней у окна. Мы молча смотрели на город.

- Твой отец выбрал легкий путь, - сказал я, нарушив тишину. - Он всегда его выбирал. Он проиграл тебя в карты не потому, что был должен. А потому, что поверил, что я смогу защитить тебя лучше, чем он.

Это была ложь. Наполовину. Но ей нужна была эта ложь. Нужна была иллюзия, что ее не просто продали, а передали под защиту.

Она повернула ко мне свое заплаканное лицо.

- Защитить? От кого? От тех людей?

- От всего мира, Дарина. Он прогнал до основания.

Я протянул руку и коснулся ее щеки. Она вздрогнула, но не отстранилась. Я стер большим пальцем влажный след от слезы.

- Какова цена этой защиты? - прошептала она, глядя мне прямо в глаза.

И в этот момент я понял, что больше не могу и не хочу играть. Все маски были сброшены. Все игры окончены.

- Ты, - ответил я, мой голос стал хриплым. - Цена

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.